

≈ 63 мин

Оглавление [скрыть](#)

1. Введение
2. В чём нас обвиняет Прибой
3. Левые и коммунистическое движение
4. Исторический контекст
  - 4.1. Дихотомия реставрации
  - 4.2. Утерянная партия
  - 4.3. Варианты капитализма
  - 4.4. Старые грабли и будущность движения
  - 4.5. Левые не могли быть другими?
5. Апология национализма
  - 5.1. Мировая тенденция
  - 5.2. Причины национализма и субъективный фактор
  - 5.3. Неизбежность поражения
  - 5.4. Не время для марксизма
  - 5.5. Национализм как спасение от рынка
  - 5.6. Только национализм жизнеспособен
  - 5.7. Понять и простить
6. Продолжение следует

ВВЕДЕНИЕ

В июне этого года публицист-историк, постоянный автор ЛС, бывший член нашей редакции Владимир Прибой выпустил статью, в которой он подверг критике [Манифест научного централизма](#) (далее — Манифест).

Редакция LC предоставила Прибою площадку для публикации критики и сопроводила её предисловием. В этом предисловии статья Прибоя обозначена как «пример конструктивной научной критики». Стоит признать, что такая оценка была весьма поспешной. В данном материале я покажу, насколько неконструктивна и ненаучна его критика, какие идеи лежат в её основе и как Прибой предлагает нам смотреть на историю левых.

Защищать левую шваль от Манифеста Прибой взялся двумя способами.

Первый — обосновать историческую необходимость той особой формы существования белковых тел, какую явили собой российские левые. Это Прибой называет историзмом. Авторы Манифеста, соответственно, зачисляются им в лагерь антиисторизма.

Второй способ — объяснить и оправдать мотивы, согласно которым левые выбирали и выбирают себе те или иные виды досуга. По мнению Прибоя, эти мотивы полностью детерминированы окружающей действительностью и этот факт является оправданием левых перед судом истории.

Прибой прямо выражает несогласие с избранными лозунгами Манифеста, касающимися оценки деятельности постсоветских левых:

*«„Оглянись назад. Что сделали предыдущие поколения левой швали?
Тридцать лет тусовки и игр в политику. Тридцать лет предательства
рабочего класса..*

<...>

Вся история левого движения последних тридцати лет — это история

предательства коммунизма, предательства рабочего класса. И будущее у него одно — лежать и догнивать на свалке истории...

Коммунисты должны вынести суровый урок из великого исторического позора постсоветских левых“..

Эти утверждения, на мой взгляд, в корне неверны. Чтобы так говорить, нет достаточных оснований, эти слова не отражают всей сложности проблемы».

Позицию ЛС в целом он оценивает так:

«...легковесные суждения о прошлом в тексте [Манифеста]¹ щедро перемешаны с реальными фактами дня сегодняшнего, со справедливой оценкой текущего момента. Перемешаны до степени неотделимости. Но историзма в таком подходе нет ни грана, это подмена. ...Если читателя воротит от разброда, коммерциализации и теоретической безграмотности современных леваков, он автоматически должен ставить nihil над всем, что было после закрытия здания ЦК КПСС на Старой площади, а не искать в этом прошлом ответов».

Эти претензии к Манифесту составляют поверхностный слой текста. Расписывая их, Прибой заодно раскрыл свою позицию по двум важным проблемам левого движения постсоветской России: национализму и акционизму.

Его вывод заключается в том, что отсутствие позитивных для коммунизма результатов деятельности, националистический уклон и бесполезный акционизм — это не вина самих левых. По мнению Прибоя, позднесоветские и постсоветские левые были вынуждены быть именно такими, какими они были,

другими они быть и не могли. Они «играли как умели», а нам остаётся только понять и простить их.

Другой его вывод — в том, что все ошибки и поражения, все глупости и вредные уклоны, все болезни, которыми были поражены левые прошлых десятилетий — это необходимые условия и непосредственные причины для появления таких левых, каких мы имеем сегодня. В число современных левых Прибой включает и ЛС.

Первая часть нашего ответа посвящена вопросам исторического контекста и национализма. Вторая часть будет посвящена акционизму и выводам из анализа прибоевской критики.

В ЧЁМ НАС ОБВИНЯЕТ ПРИБОЙ

Для начала кратко рассмотрим основные претензии к методологии Манифеста, которые предъявляет Прибой.

Прибой заявляет, что мы «ставим nihil» над всеми левыми со времён смерти КПСС, то есть огульно обесцениваем значимость постсоветских левых до ничтожной. Он заявляет также, что мы смешиваем старых и новых левых, когда даём оценку, и что мы якобы совершаем несправедливую «экстраполяцию на прошлое».

Все эти обвинения прямо кричат о своей поверхностности и необоснованности. Поэтому сначала взглянем на них так же поверхностно. На основании чего Прибой истолковал нашу позицию как «экстраполяцию», и разве не очевидно,

что не нужно ничего экстраполировать, если мы уже всё «подменили» и «смешали до степени неотделимости»? И зачем авторы LC столько работ посвятили критике левых, старых и новых, если для нас это всё «ничто»?

Прибой не видит той связи поколений, на которую мы указывали в Манифесте. Наши оценки деятелей разных лет подобны друг другу, но вовсе не из-за простого смешивания, как считает Прибой, а из-за того общего момента у новых и старых левых, который делает новых и старых левых подобными друг другу.

Прибой обвиняет нас также в отказе от изучения истории:

«Значительная часть участников [LC] стоит на позициях, что изучение причин, по которым левые 1990-х и 2000-х не смогли добиться успеха, по-прежнему остаётся важной темой. Необходимо понять, какая часть их неудач была обусловлена объективными обстоятельствами, а какая — субъективными факторами.

Я солидарен с такой оценкой, да вот беда — „Манифест...“ прямо отвечает на этот вопрос. В тексте явно указывается на то, что всё зависело от субъективной позиции и все принятые решения всех действующих лиц были прямым предательством. Левому движению в постсоветской России дана безапелляционная историческая оценка. Свалка истории, „шваль“ и непрерывное предательство — не иначе. Никаких достижений, только негатив. Это сказано прямым текстом».

Прибой апеллирует к авторитету, чтобы противопоставить авторов манифеста и LC. Якобы есть значительная часть участников LC, которые согласны с Прибоем, что соотношение субъективного и объективного факторов в политических

разборках 90-х надо исследовать, а есть авторы манифеста — легковесные нигилисты, противники историзма. Неудачный манёвр. Автором Манифеста является коллектив ЛС как целое. Если бы Прибой действительно обнаружил «значительную часть участников», несогласных с Манифестом, то плохи были бы дела у ЛС.

По сути Прибой находит противоречие там, где оно уже решено. Участники ЛС не отрицают необходимости исторических исследований, посвящённых левым 90-х. И это не противоречит тому, что участники ЛС дают оценку левому движению 90-х. Также это не значит, что данная оценка не опирается на изучение исторических причин левого вырождения. Когда Прибой пишет, что мы не ищем ответов в прошлом, он объявляет ничтожными те обоснования, которые представлены как в Манифесте, так и в других программных работах, на которые опираются Манифест и Устав. Сказать «обоснования нет» — то же самое, что сказать «имеющееся обоснование ложно». Но Прибой не берётся критиковать что-либо, кроме Манифеста, умалчивая, что Манифест как программный документ — это только изложение позиций ЛС в концентрированном виде.

Указание на существование специальных исторических вопросов не может быть аргументом в пользу того, что мы не можем сегодня дать оценку левым того периода. Левые 90-х и 00-х — не Аркаим. Хоть что-то мы да знаем. Прибой же солидарен с «оценкой», которая и вовсе не оценка, а только постановка вопроса. Он считает, что сегодня мы имеем право лишь задавать вопрос.

Но образ вопрошающего историка-исследователя — это прикрытие. На деле же

его собственная оценка проглядывает сквозь авторский стиль.

Например, Прибой пишет, что левые «не смогли добиться успеха». Успеха в каком деле? Разве это не успех — отказаться от развития марксизма, чтобы рабочий класс потерял способность к политической деятельности? Разве это не успех — добиться тотальной дискредитации коммунизма в массовом сознании, добиться тотальной умственной нищеты в левой литературе? Это успех буржуазной контрреволюции. На неё левые и работают по факту, объективно.

Какие цели были у каких левых на самом деле? Дело в том, что могли быть совершенно разные цели у разных левых. Например, у одних цель — получить власть, у других — канализировать массовые протесты в нужное буржуазии русло. У третьих — получить известность, у четвертых — организовать террор. Неизвестно, какие из деятелей и партий были прямо марионетками буржуазии, как правящей, так и оппозиционной.

Иначе говоря, налицо неопределенность целей у левых как «движения». Неопределенность заключается как в качественном содержании целей, так и в мере соответствия действительных целей декларируемым. Прибой же исходит из наличия у левых определенных целей, общих всему движению. Поэтому он трактует результат в продвижении к этим целям вполне определенно — неуспех. Таким образом, Прибой даёт деятельности левых оценку. Интересно было бы узнать, чем обоснована эта оценка. Опирается ли она на марксистский анализ истории и политики?

А что это за неудачи, «обусловленные объективными обстоятельствами и субъективными факторами»? Читая Прибоя, можно подумать, что неудачи

настигли левых в неких преследуемых ими целях, в неких совершаемых ими действиях. Тут не поспоришь: объективные обстоятельства есть всегда и у всего. Но отказ от теоретического развития, от самообразования, от формирования кадров — это можно было бы назвать неудачей, если бы левые массово пытались читать, думать и развивать теорию, но непреодолимые внешние силы прервали бы их. Можно допустить, что кого-то оторвала от чтения «Капитала» нужда добывать средства к существованию или даже бандитская пуля. Но ведь, когда мы говорим о левых, говорим о действующих на определённый момент, а не о тех, кто отошёл от «политики». Среди действующих и поныне старожилов левой тусовки нет теоретиков-марксистов, нет тех, кто дочитал, додумал, доработал и выдал результат — марксистскую теорию. Мертвые левые тоже не оставили после себя теоретическое наследие.

Дело вовсе не в естественном влиянии объективных обстоятельств на субъективный выбор деятельности. Дело в субъективном выборе деятельности при наличных объективных обстоятельствах. Отказ от одних действий и выбор других — это дело субъективное, сознательное и волевое. Выбор, в какой мере заряжать усилия на изучение объективных обстоятельств при выборе деятельности — это дело субъективное, сознательное и волевое. В то же время «неудача» — отсутствие удачи, неблагоприятное стечение независимых от субъекта обстоятельств.

Показное требование исследовать соотношение субъективного и объективного нужно Прибою, чтобы прикрыть свой отход от позиции «тему надо исследовать» к позиции «неверно дана оценка», то есть к собственной оценке. Если Манифест «отвечает прямо», то Прибой идёт кривыми дорожками.

ЛЕВЫЕ И КОММУНИСТИЧЕСКОЕ ДВИЖЕНИЕ

Прибой не излагает свою позицию открыто и последовательно, поэтому постараемся очертить её так, как она выявляется из статьи, по крайней мере, по тем вопросам, в которых он явно выражает несогласие с Манифестом. Его позиция заключается в том, что деятельность левых в 90-х, 00-х и 10-х не шла вразрез с объективными целями рабочего класса. Таким образом, назвавшись коммунистами, левые и были коммунистами. Левые не предавали цели коммунистического движения. Левые не достигли своих целей по причине неудач, то есть действий объективного фактора. Так, например, Прибой заявляет в вопросительной форме:

«Просто, быть может, эти люди [постсоветские левые] были жертвами своего времени? Быть может, была там светлая тенденция, которую затоптали, которую заборолли?»

<...>

«Если за 30 лет без советской власти было в коммунистическом движении что-то положительное, оно тоже должно было быть кратко и ёмко охарактеризовано».

Историк, ратующий за исследование перед всякими оценками, даёт очень смелую оценку, когда называет левых «коммунистическим движением».

Стоит пояснить, что «левым движением» и «коммунистическим движением» у левых по традиции принято называть собственное существование как медицинский факт. В «движение» по умолчанию зачисляются сотни тысяч людей, выходивших на демонстрации с красными флагами и портретами

лидеров коммунизма, десятки «коммунистических» организаций, «красные» директора заводов, «красные» председатели колхозов, «красные» деятели в парламенте и местных думах, «красные» чиновники и профорги. Независимо от правомерности, само это расширенное понимание коммунистического движения позволяет левым думать, что они представляют собой *движение*, и что совсем ещё недавно их движение было многочисленным и сильным.

Но можем ли мы назвать какое-то общественное движение коммунистическим, если оно в сущности не нацелено на достижение коммунизма? Нет.

Коммунистическое движение — это вовсе не любая коллективная деятельность людей, называющих себя коммунистами. Если некое «движение» не движется к коммунизму, в частности, не способствует усилению партии рабочего класса и развитию социалистической революции, то оно не является коммунистическим.

Как определить, движется ли то или иное «движение» к коммунизму? С помощью прогноза, основанного на анализе исторического опыта и теоретического базиса этого движения. Если мы знаем сейчас, на каких позициях стоит та или иная группа, из каких теоретических основ она исходит, какую деятельность она осуществляет на протяжении долгого времени, то мы можем дать прогноз на развитие политической траектории этой группы. Мы заключаем, что если за последние 50 лет деятельность людей, называющих себя коммунистами, привела этих людей к поражению в борьбе за социалистическую революцию, то методы их деятельности ложны, неадекватны объективным условиям. Мы заключаем, что если движение не опирается в своей деятельности на диалектический материализм, не обосновывает научно каждый стратегический шаг, то оно обречено на систематические ошибки и не сможет

достигнуть коммунизма. Это на деле движение не к коммунизму, а движение от коммунизма, и поэтому это не коммунистическое движение.

Коммунистическое движение существует в развитии: оно накапливает опыт и обогащает теорию. В этом же развитии оно отсекает от себя теоретический балласт, обновляется. Отброшенные бывшие участники движения редко признают неправоту и отказываются от своих позиций. Обычно они продолжают активность во вред коммунистическому движению, становясь его врагами. Так было, например, с меньшевиками, каутскианцами, оборонцами. Те, кто после разоблачения не отказались от своих позиций и сохранили активность, объективно встали на сторону врагов коммунистического движения. Наши современники: прорывовцы, ильенковцы, «экономисты», неосталинисты и неотроцкисты, широколевые и рабочелюбцы — тоже были разоблачены. Они уже не часть коммунистического движения. Если они после разоблачения не отказались от своих позиций и продолжают деятельность, объективно они встают на сторону врагов коммунистического движения. Таким образом, независимо от декларируемых убеждений, по эффекту своей деятельности левые — враги коммунистического движения.

Но что происходит в период поражения социалистической революции, когда компартии умирают одна за одной? Эти партии перестают быть частью коммунистического движения по сути своей деятельности. Когда партия вырождается, она выпадает из коммунистического движения. Если правящая компартия планомерно проводит курс на сращивание социалистической экономики с капиталистической, а затем и на прямую организацию капиталистической анархии производства, то эта партия не является

коммунистической.

Потерян ли историзм в этом рассуждении? Ведь мы не сослались ни на один источник. Наше рассуждение опирается лишь на общеизвестные исторические факты, и поэтому остаётся достаточно общим. Но становится ли оно менее верным? В конце концов, разве вся плеяда левых партий и групп не связана одной пуповиной как с КПСС, так с левой оппозицией в СССР?

Прибой считает, что историзм потерян, так как мы не учли такую якобы непреодолимую для коммунистов историческую силу, как левый национализм в период развала СССР. Перед тем, как перейти к национализму, рассмотрим фактор самого этого развала.

ИСТОРИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ ДИХОТОМИЯ РЕСТАВРАЦИИ

Прибой считает, что оценивать левых 90-х можно только в зависимости от ответа на следующий вопрос:

«Реставрация социализма после 1991 года. ... Были ли какие-то объективные предпосылки к тому, чтобы быстро осуществить возврат к советской модели социализма, или же это была вредная, неосуществимая утопия?»

Если мы отвечаем, что реставрация была невозможна, то „экстремистские“ течения в постсоветском коммунистическом движении должны рассматриваться не иначе, как вредный уклон, как заблуждающиеся,

увлекающие народ на ложный путь. Наиболее же верной оказывается тактика тех, кто утверждал, что капитализм — это всерьёз и надолго, а потому работал на раскол нового класса собственников, делая уступки в том числе и нарождающейся мелкой буржуазии.

Если мы отвечаем наоборот, то, напротив, все „умеренные“ коммунистические движения нельзя рассматривать как прогрессивные, всякая уступка новой власти, всякое смирение с новыми порядками и участие в осуществлении этой преступной власти было осознанным или невольным предательством интересов рабочего класса. В то же время „непримиримые“ сторонники реставрации становятся наиболее прогрессивной силой данного периода. И все средства были хороши, и если есть за что „ругать“, так это за недостаточность радикализма...»

Упирая на вариативность суждения о левых, якобы вытекающую из вариативности «исторического контекста», Прибой прикрывает в корне неверную и идеалистическую постановку этого вопроса.

Ошибка Прибоя в том, что он предполагает реставрацию СССР как очевидную цель коммунистов в условиях времени (начало 90-х). При таком подходе ускользает от внимания «исторический контекст» смерти советской модели социализма, а также предшествовавшего развития. Не делая различия между фазами развития и деградации социализма в СССР, Прибой схлопывает их в одну «советскую модель». Если за советскую модель брать наиболее «свежую» её версию, то это модель умирающего социализма или, что то же самое, модель рождающегося капитализма.

Возможна или нет в те годы реставрация выбранной модели?

Ответ на этот вопрос должен быть утвердительным в общем случае. Прибой сокрушается по поводу простого решения о возможности «реставрации», так как не понимает, что простота ответа обусловлена абстрактностью самого вопроса. Достаточно прочесть первые страницы марксистского букваря, чтобы узнать, что со времени перехода капитализма в стадию империализма больше не существует принципиальных и неустранимых преград для социалистической революции. Применяя эту теорему к нашему историческому контексту, можно заключить, что возможность социализма вполне могла осуществиться в форме «реставрации советской модели».

Но нужно понимать, что «реставрация советской модели» — это совсем не обязательно форма социалистической революции. Это политическая оболочка, которая в определённых условиях может быть удобной для совершенно разных политических процессов. И эта оболочка пригодна не только для революции, но и для борьбы за власть в капиталистическом государстве различных группировок буржуазии.

Неопределённость и хаотичность этой борьбы на ранних этапах не дают уверенности в победе никому из участников. Это провоцирует участников борьбы на риск при выборе политической тактики. Так, некоторые капиталисты могут быть заинтересованы в выборе «реставрации советской модели» в качестве политической оболочки для построения государства под свои нужды, пренебрегая возможными проблемами в будущем из-за нежелательных для этих капиталистов обратных воздействий надстройки на базис. Может быть, эта реставрированная модель рухнула бы через год, но её реставрация была

возможна.

Реставрация была возможна в обоих случаях: сохранения капитализма и построения социализма. Выходит, что Прибой ставит ложное условие для оценки левых. Левые могли бороться за разные «советские модели социализма». Но ни про одну из этих моделей нельзя сказать, что борьба за неё была прогрессивной в 90-х годах XX века.

Прибой также не учитывает, что никакая реставрация советской модели не имеет смысла без связи с классовой борьбой в целом. Он видит «контекст» только в выбранном периоде — хорош историзм. Но такой контекст не включает в себя всю эпоху. Период реставрации капитализма в России — лишь струйка в турбулентном потоке истории. Россия в 1991 году — это Россия уже без советского социализма, но это всё ещё Россия в эпоху империализма и социалистических революций. Оценка субъективных и объективных факторов должна быть дана именно в таком полноценном «контексте», чтобы быть оценкой субъективных и объективных факторов *революции*, а не химеры под названием «реставрация советской модели социализма».

«Но даже тут есть загвоздка. А о каком периоде речь? Вот эта реальность реставрации, если она вообще была, — сколько она длилась? Мы говорим о периоде 1991–1993 годов? О периоде 1991–1996? А когда у нас вообще „стабилизация“ капитализма происходит?»

У Прибоя столько вопросов к истории, но что даст Прибою получение ответов на них? Прибой просто указывает на нерешённость исторических вопросов, чтобы подкрепить тезис о неисследованной эпохе с левыми, которых, конечно, ещё

нельзя оценивать.

УТЕРЯННАЯ ПАРТИЯ

«...Не поняв вовремя изменения объективных тенденций, партия может легко утратить себя в новой эпохе, ни единой буквой и ни единым делом не изменив прежней программе. Ветер истории подует в паруса тех, чья тактика ранее была изменой рабочему классу, но теперь стала ложиться на объективные тенденции».

В чьи бы паруса ни дул ветер истории, коммунистическая партия обязана оставаться коммунистической. В том-то и дело, что, не поняв вовремя изменения объективных тенденций, партия теряет способность научного руководства революцией, а значит, перестаёт быть коммунистической.

Утерянная партия может сколько угодно не изменять программе. Если партия потерялась в эпохе, то программа этой партии неверна, а такая партия не нужна пролетариату.

Прибой говорит, что мы не можем судить о субъективном факторе, не зная исторического контекста. Но как же получается, что оправдать всякую партию Прибой может только в том контексте, в котором он проводит мысленные эксперименты? В таком контексте всё получается замечательно:

«...и первая партия из нашего примера может правильно понять изменившуюся обстановку, первой свернуть на новый курс, сделав необходимые уступки и при этом, что архиважно, продолжать следовать к революции как стратегической цели».

Но прошло 30 лет, а компартии в реальности как не было, так и нет. Вся эта левая бестолочь, все эти бесполезные партии и площадные говоруны, актуальные в прибоевском «контексте», оказалась такими же бесполезными бестолочами в историческом результате. «Революция как стратегическая цель» так и осталась пустым словом, к этой цели не было сделано и шага. Весь новый курс постсоветских левых — это только «необходимые уступки» и ничего больше. Если уступки капиталистам делаются без всякой меры, если вся деятельность состоит из уступок, то это уже не уступки, а чистой воды предательство коммунизма.

ВАРИАНТЫ КАПИТАЛИЗМА

Ложное представление об историческом контексте приводит Прибоя к постановке другого вопроса:

«Имела ли место в постсоветской России борьба за разные варианты развития капитализма? Если да, то каковы были альтернативные варианты и, самое главное, какой из сценариев в долгосрочной перспективе отвечал интересам коммунистических сил?»

Постановка вопросов снова вскрывает путаницу в голове Прибоя. Вопрос о вариативности российского капитализма сводится к соотношению стихийных и организованных процессов реставрации.

Если допустить, что определяющим моментом была стихийность, то вариативность очевидна: побеждает тот вариант капитализма, который берётся строить победившая в схватке группировка буржуазии. Если допустить

управляемость капиталистической реставрации, если выбор модели капитализма в России полностью осуществлялся суверенной волей, то у нас нет никаких оснований предполагать, что носители этой воли были в состоянии принимать достаточно дальновидные решения, чтобы чётко предопределить некий вариант. Ведь и за влияние на новый открывающийся рынок шла борьба на мировой арене. Во всех возможных случаях развития российской истории становление определённого варианта капитализма зависело от исхода борьбы групп буржуазии в России, в Европе или в США.

Для обеих тенденций: и для стихийного развития рынка, и для организованного передела хозяйства — противостояние им со стороны коммунистов возможно только при наличии самих коммунистов, объединённых в коммунистическую партию. Какой вариант был бы удобнее для коммунистов? — вопрос практически бессмысленный, поскольку коммунисты пребывали в ситуации максимального поражения и не смогли бы воспользоваться ни одним вариантом. Если бы в борьбе победила такая группировка, которая для своих нужд отдала бы левым власть, у нас нет никаких оснований предполагать, что эта левая власть служила бы интересам коммунизма.

СТАРЫЕ ГРАБЛИ И БУДУЩНОСТЬ ДВИЖЕНИЯ

Прибой же находит мнимые возможности для деятельности левых:

«...когда возможность реставрации была упущена (если она вообще была), имело смысл побороться хотя бы за более „демократический“ вариант капитализма».

И тут же принимает этот «один из вариантов» за истину. Именно с точки зрения возможности побороться за лучший капитализм Прибой и дает оценку деятельности левых.

«...всё это [деятельность левых], если приложить к конкретным политическим ситуациям тех лет, [— это] вопросы тактики, вопросы союзов и т. д. И эти вопросы однажды, хорошо или плохо, стихийно или осмысленно, но уже решили современники тех событий. Мы, вооружённые послезнанием, видя картину пусть не вблизи, но зато на более широком фоне, должны решить те же проблемы ещё раз, с той же живостью, как если бы сами участвовали в той борьбе. Не ради того, чтобы повлиять на прошлое, ибо это невозможно, но прежде всего ради нас самих, ради будущности движения».

Логичность этого рассуждения поражает. Хороши же решённые проблемы, если нам предлагается решить их ещё раз. То есть Прибой буквально предлагает наступить на старые грабли с той же живостью, как если бы мы наступали на них впервые. И всё это — ради будущности движения.

ЛЕВЫЕ НЕ МОГЛИ БЫТЬ ДРУГИМИ?

«Потому что в России XIX века революционеру нельзя было опираться на что-либо ещё, кроме как на наследие „революционных демократов“, нельзя было быть кем-то, кроме как народником. Если вы попытаетесь обвинить революционеров той эпохи в том, что они не были диалектическими материалистами и не вели за собой стальные батальоны пролетариата, то вам в ответ покрутят пальцем у виска. Ещё бы декабристам такие

требования выдвинули!

В отношении постсоветских левых же проблема будто бы отсутствует. После 70 лет советской власти ещё бы не быть революционным марксистом! Марксизм уже существует, он более чем известен, пролетариат вышел на общественную арену уже лет как 200 — значит, проблема закрыта. Тем не менее, реальность может оказаться сложнее».

Социалистическая революция — наиболее сложный, наиболее требовательный к кадровому обеспечению общественный процесс. Для успешной революции руководить партией должны лучшие умы человечества. Возможность создания партии таких умов, стало быть, зависит от наличия таких умов, а умы с потолка не падают. Левые же и не пытались ими стать.

Какая объективная тенденция мешала в 1985, 1991, 1993, 1996, 1998, 2000-х годах сесть за чтение Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина, Троцкого, Гегеля, Фейербаха? Какая тенденция мешала изучать литературу?

Здесь может возникнуть возражение. Во-первых, каким-то образованием левые занимались: читали, учились по программам партийной учёбы. Но могли ли они применить правильно прочитанное, да ещё в совершенно незнакомой меняющейся ситуации? Во-вторых, был массовый протест, развал всего, резкое обнищание, даже нечто похожее, *на первый взгляд*, на революционную ситуацию в 1993 и 1998. В такой ситуации вроде как и впрямь странно исключительно сидеть за книгами, раз народ уже «почти восстал». И большее осуждение должен вызывать отказ от теоретической работы в 2000-е, когда всем стало ясно, что буржуазный строй укрепился и никакого взрыва и

народного восстания уже не ожидается. Разрушение социалистического государства, реставрация капитализма после нескольких десятков лет социализма — это была совершенно уникальная в истории ситуация, до того нигде не встречавшаяся. Что делать, было абсолютно непонятно, особенно поначалу, прямых ответов у классиков по причине уникальности ситуации было не вычитать. Надо всё-таки делать на это скидку.

На это возражение я уверенно отвечаю: нет, скидок не заслужил никто. Понятный, но в корне неверный подход к истории левых заключается в том, что кажется странным сидеть за книжкой в наиболее острые моменты 90-х. Неверен такой подход потому, что он останавливается только на поверхностном психологическом объяснении мотивов левых. Крах социалистических государств преподносится как явление, вызывающее невероятно сильный аффект.

Действительно, крах СССР — эпохальное явление, радикально изменившее жизни большинства людей на планете. Но будет ошибкой абсолютизировать массовый аффект, вызванный развалом СССР.

Коммунист должен в своей общественной деятельности руководствоваться наукой, марксизмом. Все коммунисты — люди, и вполне понятно, если в условиях гуманитарной катастрофы человек, бывший коммунистом, занят проблемой выживания, а не марксизмом. Отход от коммунизма по причине катастрофы можно понять по-человечески. Но нужно честно признать, что при этом человек перестаёт быть коммунистом на деле.

Коммунисты же обязаны были не поддаваться головокружению от поражения. Они обязаны были провести научный анализ ошибок деятельности КПСС, приведших

партию к поражению, работу над этими ошибками. Иначе по какому праву нам считать их коммунистами?

И ни в коем случае нельзя оправдывать отказ от теоретической работы сильным зудом от народных волнений. Объяснить можно, но не оправдать. Если бы пролетариат восстал и недоучки-активисты взяли бы власть, нас бы ждал беспрецедентный опыт авантюризма, который мог бы стократно углубить поражение пролетариата.

И не может быть оправданием то, что левые якобы учились, но не смогли применить свои знания. Если из учебы нельзя вынести пользы для дела, то ценность такой учёбы нулевая. Все материальные условия для образования были буквально под рукой. Люди в конце 80-х были несколько не глупее нас, и литературы у них было достаточно.

Условиями и ресурсами для изучения марксизма были обеспечены жители стран СНГ в большинстве своём. Они могли наблюдать неудачи западных левых, они могли наблюдать реставрацию капитализма в разном темпе в бывших соцстранах. Они могли бы понять, что классики не обязаны на 100 лет вперёд предсказывать любую ситуацию. Они также могли бы понять, что это они сами должны были предсказывать ситуацию на ближайшие 5-10 лет, что и было бы развитием теории.

Указывать, что классики чего-то не написали, что-то не учили и что ситуация уникальна — просто снятие ответственности. Непонятно, что делать — есть два варианта. Либо сиди и думай до тех пор, пока не станет понятно, либо делай то, что понятно уже сейчас. Человек сам решает, достаточно ли ему понятно, перед

тем как что-то делать, и потом несёт ответственность за это решение.

Всё это они могли, не было никаких неустранимых преград. В таких условиях для изучения марксизма требуется только воля, ибо вещественная сторона этой деятельности состоит в том, чтобы просто сесть за книгу и начать читать.

АПОЛОГИЯ НАЦИОНАЛИЗМА МИРОВАЯ ТЕНДЕНЦИЯ

Рассмотрим теперь, как Прибой защищает необходимость национализма в левом движении.

«Начнём с того, что существовала объективная тенденция перерождения коммунистических партий, которая выражалась в медленном, но верном крене „вправо“. Мировая тенденция».

Это «перерождение» партий — переход партийцев, тех, кто должен был быть представителями авангарда революции, быть в числе самых сознательных революционеров в истории, вооружённых наукой, на позиции национализма. Это объективная тенденция, как утверждает Прибой. Объективная по отношению к компартии, которая является субъектом политики. Или нет?

Компартия, а значит, и рабочий класс, перестаёт быть субъектом общественных изменений, когда теряет политическую силу. Партия, остающаяся у власти и номинально правящая от имени рабочего класса, перестаёт его представлять, утрачивая ту политическую субъектность, которую она имела, будучи передовым отрядом рабочего класса. Такая партия так или иначе, по злому

умыслу или преступному бездействию, и привела рабочий класс к потере власти. Вместе с тем она, ещё оставаясь у власти, обретает политическую субъектность от тех нарождающихся капиталистических группировок, которые приходят к власти. Эта партия уже не коммунистическая. Это не передовой отряд рабочего класса. Это не сознательные революционеры, вооруженные наукой.

В материалах LC ([Тезисы о большевистской партии XXI века](#), [Теоретический минимум: введение](#), [Тактика и стратегия революционеров XXI века](#)) было показано, что перерождение партии началось задолго до 80-х годов.

«Роль в уничтожении социализма членов КПСС, уже в те времена [60-70 гг.] , помимо прочего, подменявших марксизм буржуазным патриотизмом и ругавших „гнилой Запад“, в том числе западных коммунистов, выступавших против хрущёвско-брежневского ревизионизма, гораздо больше, нежели вклад любых чиновников ЦРУ»² .

Механизмы размывания партии широкими слоями общества и даже ревизионистские тенденции в политике мы находим ещё при Сталине³ .

Но реальность для историка Прибоя оказалась настолько сложной, что он принял националистическое перерождение партий с коммунистическими названиями за тенденцию в коммунистическом движении. Он принял национализм за коммунистическую тенденцию. Наличие у партии националистов букв «К» и «П» в названии — это реальность, которая оказалась для Прибоя сложнее, чем опыт 70 лет советской власти, 150 лет развития марксизма и 200 лет политической борьбы пролетариата. Эта сложность

позволяет Прибою прощать партийцам всё: раз уж верховные коммунисты крелятся «вправо», то и нам, рядовым коммунистам, можно.

ПРИЧИНЫ НАЦИОНАЛИЗМА И СУБЪЕКТИВНЫЙ ФАКТОР

Прибой цитирует работника ЦК КПСС К. Н. Брутенца:

«Во-первых, хотя в коммунистическом движении все еще участвовали миллионы людей, ..., идеологическая основа движения уже подверглась заметной эрозии и лишилась солидной доли своей привлекательности, а возникшие идеологические ножницы становились всё шире. Достаточно, например, сравнить наши позиции ... и установки Союза коммунистов Югославии или грамшианскую платформу Итальянской компартии. Специфические подходы к революции, к возможности и целесообразности вооруженного пути, партизанской борьбы, к экономическим проблемам были у кубинцев. А что же говорить о Китайской компартии! Уместно также задаться вопросом, насколько официальная идеология оставалась подлинным нервом деятельности той или иной партии, а не была заклинанием, удостоверяющим принадлежность к определенной политической силе.

Во-вторых, хотя сохранялись более или менее общие программные установки, растущее разнообразие условий требовало от каждой партии серьезного приспособления к конкретной обстановке.

В-третьих, хотя существовали определённые организационные связи и элементы взаимопомощи между коммунистическими партиями,

своеобразный процесс эрозии происходил и тут.

Наконец, в-четвёртых, хотя интернационализм ещё оставался неким конституирующим движением фактором, стал уже блекнуть и он, отступая перед набирающими силу национал-коммунистическими настроениями.

<...>

Компартии „третьего мира“ оказались не в состоянии оградить себя от растущего влияния национального момента, от националистической эйфории в эпоху освобождения от колониализма. Да и в развитых странах не все партии смогли устоять перед соблазном натянуть на себя националистическую тогу, стремясь таким образом компенсировать слабеющее притяжение собственной идеологии.

Антиинтернационалистический и националистический вирус вносили в движение и партии социалистических стран, которые практически утвердились на национал-коммунистических позициях».

Прибой комментирует:

«Вряд ли столь масштабный и всеобъемлющий процесс вообще может быть объяснён чисто субъективными причинами, тем, что кто-то чего-то не дочитал, кто-то кого-то не научил или тем, что кто-то внезапно поглупел».

Слова бывшего члена КПСС представляют собой образец беспринципности и оппортунизма. И Прибой охотно выражает своё согласие с ними.

Мог ли член компартии не поддаваться идеологической эрозии? Мог ли член компартии не продавать принципы за дешёвую привлекательность? Мог ли член компартии распознать контрреволюционную сущность ревизионистов и новых

левых? Мог ли он понять условия, цели и границы применимости тактического заигрывания с национализмом в антиколониальных движениях? Мог ли член компартии не утешаться фактом разнообразия революционных тактик, а подвергнуть их научному анализу и оценить условия их применимости? Мог ли член компартии отстаивать коммунизм, невзирая на то, что для руководства партии коммунистические идеи превратились в заклинания? Мог ли он хотя бы лично в «растущем разнообразии условий» противостоять приспособленчеству? Мог ли он использовать свои каналы связи и взаимопомощи для противостояния перерождению? Мог ли он не отступать перед национализмом в собственной голове?

Да, мог и должен был, если член компартии — коммунист.

Изображать национализм вирусом, поразившим всех вокруг, — значит снимать с себя ответственность. Указание на факт, что все вокруг перерождаются, не оправдывает перерождение лично каждого коммуниста. Один носитель общественных отношений обладает достаточной субъектностью, а если мы говорим о члене компартии — то и достаточным образованием, чтобы отказаться от национализма.

Прибой исполняет дешёвый фокус, когда заявляет о доверии оценке Брутенца. Цитируемый им оппортунист не даёт оценки, он только указывает на факты. Оценку этим фактам даёт сам Прибой под видом «доверия». И оценка эта такова: «коммунист не мог не быть националистом».

«Самой глубокой, „подводной“, и самой основательной причиной ... стагнации или даже кризиса в коммунистическом движении служило то,

что всё более эфемерной, всё менее реалистической становилась его исходная цель — мировая социалистическая революция. И всё более сомнительной и всё менее правдоподобной — перспектива прихода компартий к власти в результате собственных усилий, а не вмешательства социалистических государств. Всё труднее было сохранять даже видимость единства в движении, где представлены правящие партии, руководствовавшиеся прежде всего государственными интересами и соображениями, партии развитых капиталистических стран, которые оставили позади себя этап зрелости для революционных сдвигов, и партии развивающихся стран, которые не созрели для социалистической трансформации».

Оппортунист с умным видом меняет местами причину и следствие. Неверие в мировую революцию — это проявление кризиса. Когда правящие компартии руководствуются сугубо государственными интересами — это другое проявление кризиса. И неверие в мировую революцию, и замыкание на интересах государства следуют из разложения коммунистического движения, из многолетнего размывания кадрового состава партий, из отказа от теоретического развития. Прибой же отмечает эту путаницу как «необходимую» и далее резюмирует:

«Если представить всё это тезисно, то причинами подъёма национал-коммунизма являются:

1. Провал мировой революции и исчерпание внутренних ресурсов для революционных преобразований, которое, в свою очередь, было связано,

как ни парадоксально, с успехами рабочего движения. ...

2. Изменение социальной структуры общества и трансформация рабочего класса привели к потере социальной опоры. Таким образом, идеологическая трансформация была инстинктивной попыткой расширить социальную базу.

3. Схема партии „ленинского типа“ отлично показала себя в условиях, когда коммунисты находились на нелегальном положении, но изменение этих условий и иной формат политического процесса требовали новых организационных форм».

Таким образом, Прибой предлагает нам теорию зарождения левого национализма. И подразумевает при этом, что каждая из причин носит преимущественно объективный характер, то есть по большей части неподвластна коммунистам. К огорчению Прибоя, при более внимательном размышлении субъективные моменты в каждой из причин вскрываются без труда.

«Первая причина» столь же объективна, сколь и абстрактна. Оппортунист Брутенц аргументирует это тем, что *«рабочее движение в странах развитого капитализма всё более приобретало не те формы, на которые первоначально ориентировались компартии»*. Неспособность компартий учитывать в своей деятельности изменения в рабочем движении капстран, сохраняя верность коммунизму, — это субъективный момент. Неспособность компартий выработать теорию, прибегая вместо этого к следованию неким «единственно верным схемам» — это субъективный момент.

Что наш историк понимает под внутренними ресурсами для революционных преобразований, остаётся без пояснения. Следует отметить, что теоретический потенциал компартии, которая руководит революционными преобразованиями, — это один из главных внутренних ресурсов для этих преобразований.

«Вторая причина» есть не что иное, как приспособленчество. Партия сама отказывается от амплуа авангарда рабочего класса и переходит к деятельности типичной партии в системе буржуазной демократии. К этой деятельности относятся и попытки понравиться той или иной социальной группе. Указание на инстинктивное действие есть признание полного отхода от руководства марксизмом.

«Третья причина» прямо указывает на отказ партии от теоретической работы над организационными принципами, то есть на субъективный момент.

«Подобная идеология своей исходной базой имеет „патриотический разворот“ сталинской эпохи и формирование „советского патриотизма“ как компромиссного суррогата, который должен был стать широкой платформой, призванной сплотить советское население, в том числе и ущемлённое новой властью, перед лицом агрессора».

То, что тактический компромисс с национализмом приняли за коммунизм, — это субъективная проблема неграмотных левых, которые не смогли понять сути «патриотического разворота».

НЕИЗБЕЖНОСТЬ ПОРАЖЕНИЯ

«Как показала история, было всего два варианта выхода из этой неприятной ситуации: измениться, подхватив „оппортунистический вирус“ национал-коммунизма, еврокоммунизма или чего-то ещё, или остаться ортодоксами, свято соблюдающими прежние догматы. Если это так, фрагмент про сектантство блестяще характеризует не только судьбу американской компартии, но и дальнейшую судьбу тысяч организаций после 1989 года. В том числе и в России».

Прибой ставит знак равенства между сектантами и «ортодоксами, свято соблюдающими прежние догматы». Но ему не хватает последовательности. Ведь если и новые левые, и ортодоксы одинаково шли к поражению, а возможны только эти два пути, то из позиции Прибоя следует, что коммунизм неизбежно был обречён на поражение в данный исторический момент.

Прибой ссылается на статью Петра Биелло. Он разбирает часть про изменение социального состава рабочего класса в Польше и постепенное разделение ПОРП на две фракции. Прибой указывает на схожесть исторического пути компартий двух стран: и в КПСС и в ПОРП проходил раскол на космополитов и националистов.

«...идеологические метаморфозы ПОРП очень и очень похожи на то, как, невидимо для наблюдателя извне и снизу, раскалывалась КПСС. Причём на те же самые фракции — „космополитов“, ориентированных на западные ценности и реформу социализма шестидесятников, и „националистов“ из народных низов, стремившихся трансформировать обветшавший марксизм-

ленинизм во что-то вроде новой национальной идеи. С исконно русским оттенком, разумеется».

То, что марксизм-ленинизм «обветшал», что его нужно «трансформировать» и что у этой трансформации два пути, — это Прибой пишет между прочим, как заурядный факт. Дальнейшая перспектива развития коммунистического движения рисуется из точки раскола на западников и националистов. Дело, стало быть, в выборе правильной команды. Сам Прибой тяготеет к команде «антиперестроечных сил», то есть националистов. Исторический факт разделения КПСС на эти две фракции Прибой считает этапом развития коммунистического движения.

Он приводит слова историка Г. Иоффе о том, что Яковлев один из первых выступил против «левого национализма» и что противоборство западников и националистов началось аж с 70-х годов.

«„В 1972 году Яковлев стал первым из ведущих партийных идеологов, выступившим против поднимавшего голову великодержавного шовинизма. Этот шовинизм провозглашался тогда главным образом в журнале „Молодая гвардия“, который призывал власть опираться не на прогнившую, обмещанившуюся, прозападную интеллигенцию, а на простой, трудовой народ, его национальную самобытность. С одной стороны, это представляло опасность для правящего режима многонациональной страны, но с другой — блокировало опасность диссидентства, действительно ориентировавшегося на западные ценности. В общем, в идеологической сфере возрождалось что-то подобное старым спорам

западников и славянофилов”.

Да ведь всё это почти готовая идеологическая платформа того, что получит в публицистической литературе множество имён: „национал-коммунизм“, „советский консерватизм“, „красно-коричневые“. А в общем и целом имя этому явлению — левый национализм».

Прибой сетует на отсутствие научного определения левого национализма, красно-коричневых и прочих химер буржуазной политологии. А есть ли научное определение левого либертарианства и правого исламизма? Это химеры, сотканные из сотен наслоений. Главное — выделить сущность, и эта сущность — национализм.

Прибой указывает на общие истоки левого и правого национализма в России.

Прибой говорит о массовости явления:

«Их даже не партия. Их — партии».

Это всё нужно ему для того, чтобы подкрепить свой тезис о национализме как мировой тенденции. По сути за этой концепцией мировой тенденции скрывается мысль о *неизбежности* национализма для коммунистов и, следовательно, *неизбежности поражения коммунизма*.

Стало быть, если мы находим истоки вырождения левых не на 30-летней дистанции, а на 50-летней, то это совсем другое дело. Но вопрос к «субъекту» остаётся неизменным: что лично тебе, субъект, мешало в 53, 65, 85, 91, 92, 93, 96, 2010, 2012, 2020 годах оставаться коммунистом?

НЕ ВРЕМЯ ДЛЯ МАРКСИЗМА

В другом месте Прибой пишет:

«Позволю себе отвлечься на ещё один аргумент — о том, что все вот эти вот „красно-коричневые“ — вообще „не наша история“. Все их победы, мол, локальны и преходящи, в целом же „советских консерваторов“ ждал провал, а их успех, будь он возможен, дал бы нечто другое, но „не социализм“. А вот если бы в движении руководствовались более правильными воззрениями, а вот эта группа в 15 человек, которая придерживалась „трушного“ марксизма... Да какими ещё „более правильными“, если мы исходим из того, что постепенный подъём интереса к ортодоксальному марксизму исторически обусловлен? Если ответом будет то, что поиск новых организационных принципов, как и активизацию разработки теоретических проблем, можно было сделать массовым явлением волевым усилием независимо от конкретной исторической обстановки, то всё плохо. Так каким же „более правильным“ путём все они должны были идти?»

В этом потоке сознания Прибой прячет демагогический трюк. Разберём логически его пассаж, который состоит из нескольких утверждений. Часть из них заложена неявно, но считывается из хода мысли:

1. Руководство «ортодоксальным» марксизмом не было возможным, потому что интерес к марксизму исторически обусловлен.
2. Нет «более правильных» руководящих идей по сравнению с левым национализмом, так как руководство марксизмом не было возможным.

3. Поиск новых организационных принципов, как и активизацию разработки теоретических проблем, нельзя было сделать массовым явлением волевым усилием независимо от конкретной исторической обстановки.
4. Аргумент воображаемого оппонента Прибоя, что «все вот эти вот „красно-коричневые“ — вообще „не наша история“», неверен. Стало быть, красно-коричневые — «наша история».

Прибой не написал предпосылку первого же тезиса. А неявной предпосылкой является тезис «интерес к марксизму не был возможен в тех исторических условиях». Теперь вспомним, что речь идёт о левом и даже коммунистическом движении. Получается, по мнению Прибоя, интерес к марксизму у коммунистов не был исторически возможен в начале 90-х годов XX века. По мнению Прибоя, коммунисты, авангард рабочего класса, по объективным историческим причинам никак не могли заинтересоваться марксизмом в 90-х годах XX века.

На голубом глазу Прибой протаскивает 3-й тезис, будто оппонент, противник левых националистов, утверждает о теоретической работе как массовом явлении независимо от исторической обстановки. Это заведомо абсурдная идея, которая нужна для ослабления воображаемого оппонента. Никто ни в ЛС, ни в Прорыве не писал, что теоретическая работа должна или может быть массовым явлением в обозримом прошлом или будущем. Прибой же не учёл, что массы не являются коммунистами и не ведут вообще никаких поисков и разработок. Это чучело Прибой подкладывает в виде ответа на вопрос «а какой ещё правильный марксизм»?

Стало быть, правильный марксизм был не интересен, да и не было никакого

правильного марксизма. Поэтому красно-коричневые — наша (Прибой) история.

Для подтверждения своего скрытого тезиса о неизбежности поражения коммунизма Прибой цитирует фрагмент о синкретических идеологиях как исторических формах классовой борьбы. Цепляясь за «форму борьбы», он упустил так любимый им исторический контекст, который и определяет содержание этой борьбы. Что извиняется Томасу Мору, то неизбывная вина и несмыаемый позор левой швали.

НАЦИОНАЛИЗМ КАК СПАСЕНИЕ ОТ РЫНКА

«... хочет этого кто-то или нет, но „державная“ версия коммунистической идеологии сыграла ведущую роль в противостоянии рыночным реформам в России и по сути была главенствующей для значительного исторического периода».

Это один из главных тезисов Прибоя, которым он обосновывает свою «историческую» поддержку национализма. Он выписывает заслуги левых националистов и консерваторов в борьбе с капитализмом:

1. За протестами против рыночных реформ в сельском хозяйстве стояли бывшие функционеры КПСС и депутаты-аграрники из «Коммунистов России».
2. Именно «советские консерваторы» предотвратили декоммунизацию в России. Без них была бы нам беда.
3. Только левый национализм смог стать противником рынка и неолиберализма. Он был сильнее всех антиперестроечных течений.
4. Благодаря упадку и разложению левого национализма появилась почва для

современного кружкового этапа. Если бы национализм не пришел в упадок, мы бы сейчас боролись за марксизм против обвинения в сионизме.

5. Интерес к теории марксизма возник на почве смерти советского консерватизма с державными лозунгами.

«Весь рост интереса к теоретическим вопросам, к ортодоксальному марксизму, наблюдается в связи с тем, что „советский консерватизм“ неизбежно изживает себя. Он работал до тех пор, пока его „державные“ лозунги накладывались на растущую социальную несправедливость».

Прибой сам подводит нас к выводу, что самый сильный враг перестройки и неолиберализма на деле являлся их проводником. Популистские левонационалистические требования и лозунги на деле работали на одну из буржуазных групп, в итоге оформившуюся во власти. Левый национализм умер не потому, что был разорван внутренними противоречиями. Левый национализм умер потому, что заказчики перестали нуждаться в его услугах. Противоречия же разыгрывались в виде спектакля на буржуазной политической сцене:

«С одной стороны, последовательность требовала признать справедливость нового государственного курса и поддержать его хотя бы во внешнеполитических успехах. Но это означало отказаться от требований социального переустройства общества, поскольку всякая „революционность“ теперь могла быть воспринята как расшатывание с трудом добытого „величия“, а внешнеполитические успехи, не будучи объектом критики, ещё больше укрепляли режим, позволяя усиливать нажим на всех угнетённых и обездоленных внутри страны. Здесь не могло

быть никаких вариантов, кроме как окончательно уйти „вправо“ или „влево“».

Этот спектакль наш любитель исторического контекста выдаёт за диалектику развития коммунизма.

ТОЛЬКО НАЦИОНАЛИЗМ ЖИЗНЕСПОСОБЕН

«Успехи Четвёртого интернационала по основанию в России очередных сект самого правильного марксизма на фоне „красно-коричневых“ не впечатляют. С чем этих последних вообще можно сравнивать? Левое диссидентство? Многочисленные „косплеи“ фанатов мая 68-го и новых левых? Или кто там был ближе всего к „трушному“ марксизму? Любые „истинно марксистские группы“, какой бы ориентации они ни придерживались и кем бы ни были основаны, глядели они на запад или на восток, в 1990-е и даже в 2000-е были песчинками в сравнении с потоком. Как и ортодоксальные марксисты советской школы, которые бессильно плелись в хвосте этой огромной волны, обслуживая идеологически КПРФ или РКРП, не имея существенного самостоятельного влияния. Да, все они вели разработку каких-то проблем в ещё бумажных теоретических журналах, которые сейчас даже не всегда можно найти, но современная численность аудитории и уровень внимания им и не снились. И дело не только в появлении широкополосного Интернета. Самое движение было не то».

Здесь Прибой нарочно размывает понятие «трушного марксизма». Если каждая шваль называет свой марксизм «трушным» — то неизвестно, какой на самом

деле «трушный». Прибой демонстрирует агностицизм и отказ от марксистского понимания истины.

Дальше Прибой размывает понятие ортодоксального марксизма, уравнивая его с понятием «ортодоксальный марксизм советской школы». Трудно заподозрить Прибоя в незнании факта, что никакой «ортодоксальной советской школы» нет. Есть классический корпус теории, развитой Марксом, Энгельсом и Лениным. Есть отдельные удачные наработки советских философов. А есть различные школы оппортунистов, наполнявшие идейно мёртвую КПСС. Прибой же нам говорит, что нет вообще никакого правильного марксизма. И что если он якобы есть сейчас — у LC, то уж надо извинить красно-коричневых, что они не были верными LC-истами в 90-х годах.

Следующий абзац подтверждает данное нами выше объяснение того, что Прибой считает ортодоксальным марксизмом:

«Возникновение ортодоксальных марксистских групп различного толка, противопоставляющих себя так или иначе „национал-коммунизму“ путём пересаживания на русскую почву каких-то зарубежных доктрин или чего-то ещё, было спорадическим, случайным. Они не оставляли следов, не оставляли жизнеспособных „потомков“, были в высшей мере неустойчивы организационно и ничтожны в политическом плане. И это лучшее свидетельство того, что время их тогда ещё не пришло. История просила подождать. Даже сегодня, возможно, ещё рано. Ведущей тенденцией времени была именно эта идеология левого национализма, в тех или иных крайностях, от реконструкции сталинского

„советского патриотизма“ в РКРП и „Трудовой России“ до более основательного ревизионизма в виде „красного почвенничества“ в КПРФ. Только такая идеология могла мобилизовать население на протест. Сюда же мы должны отнести и НБП, которая целиком укладывается в обозначенную выше схему развития. Это, кстати, ещё один аргумент в копилку того, что НБП, несмотря на самоидентификацию, по крайней мере, в прошлом, была явлением левого политического спектра».

Прибой, так ратующий за исследование, берёт на себя смелость называть левый национализм «ведущей тенденцией того времени». «Ведущность» определяется способностью «мобилизовать население на протест». Здесь Прибой снова за одной глупостью хочет спрятать другую. Может быть, зачисление НБП в лагерь левых должно вызвать на себя достаточно презрения у читателя, чтобы фоном, незаметно, проскользнул тезис о способности мобилизации на протест как критерии ведущих тенденций у левых? А может, настолько несуразное приравнивание ведущей тенденции как силы мобилизации к коммунистической прогрессивности движения должно закрыть глаза на реверанс нацболам?

Итак, Прибой утверждает, конечно, с учётом исторического контекста, несокрушимую силу национализма, перед которой беспомощен всякий там «правильный марксизм».

ПОНЯТЬ И ПРОСТИТЬ

«Сейчас кажется, будто это [речь Зюганова] чистой воды бред. Подобные тексты ожидаешь увидеть на стенке интернет-фриков, не более. Но последние как раз и есть уже мёртвый отголосок когда-то живой

политической действительности. Всё это когда-то было всерьёз! И не нужно от этого плевать, нужно это понимать. Люди, приходя в наше движение и видя такое прошлое, стирают пот со лба с облегчением, что они-то другие, что они-то не имеют с такими моментами ничего общего. Но правда в том, что всё существующее ныне вышло вот из этой шинели, даже если рождалось в противопоставление. Сначала было это. Потом уже возникло всё остальное. Понимая подобную платформу прошлого, мы лучше понимаем и себя сегодняшних».

После — не значит вследствие. Хронологическая последовательность не равна генетической связи. Прибой же пытается показать процесс смены поколений как некую естественную эволюцию, где участники процесса неразумны и пассивно принимают изменения. Хотя мы говорим не просто о людях, а о левых и коммунистах, якобы самых сознательных людях в вопросах исторических изменений общества. Уж им-то в последнюю очередь можно извинить простое поступательное следование одного поколения за другим.

Понять — не значит оправдать. Можно изучить тысячи причин, почему те или иные псевдокоммунисты были не коммунистами, а националистами. В какие бы коммунистические краски они себя ни красили, как бы ни возводили родство своей конторки к партии большевиков, сколько бы они ни подстраивались под настроения масс для пополнения социальной базы, они суть враги рабочего класса. Эти люди не были коммунистами, и не нам с ними делить историю движения, революционную традицию, если мы претендуем на звание коммунистов. Это не мы вчерашние.

«А вместе с тем, растущий упадок национал-коммунизма есть рождение для всех ныне противоборствующих групп, а его смерть — залог будущего. Если кто-то хочет думать, что субъективный фактор, простое усилие воли где-нибудь в 1995 или в 2005 году могло привести к подобным же последствиям, то он очень сильно ошибается. Утверждениям о том, что „30 лет здесь до нас ничего не росло“, можно лишь с улыбкой противопоставить: „Да нет, просто вас здесь все эти 30 лет не росло“. И не могло вырасти. Почва была не та».

Необходимо ли 30 лет позора и ничтожества, чтобы довести потомков до злобы и омерзения в отношении левых, чтобы потомки хотели убежать хоть куда-нибудь, хоть даже в книги? Чтобы потребность не быть такими, как левая шваль, обрела звенящую в воздухе очевидность? Возможно, да. Необходима ли эта очевидность, чтобы заняться собственным марксистским образованием? Нет.

Прибой изображает пролетариат аморфной массой, увлекаемой с абсолютной силой мелкобуржуазными тенденциями. Да, порой эти тенденции очень сильны, но их сила не абсолютна. История показала нам много примеров индивидуального мужества в безнадёжных условиях. Если человек принципиально способен пожертвовать жизнью, но не сломить своей воли, то о какой великой трудности, о какой «не той почве» может идти речь, когда выбор стоит между улюлюканием на площади и самообразованием?

Утверждать «почвенную» необходимость этапа клинической идиотии для развития коммунистического движения (а мы не сомневаемся, что Прибой

записывает всю эту шваль в коммунистическое движение) — значит, во-первых, под видом дискуссионного тезиса и вопроса для исследований протаскивать идею об абсолютной необходимости этапов и стадий, метафизический схематизм и абсолютизацию генетического типа связи явлений. Во вторых, это значит обесценивать развитие коммунизма как науки, признавать беспомощность коммунизма перед «вирусом» национализма, отрицать научную основу пролетарского интернационализма. В этом суть почвенной необходимости национализма.

ПРОДОЛЖЕНИЕ СЛЕДУЕТ

Подведём промежуточный итог. Что же предлагает читателям Прибой, остерегая от нигилистического Манифеста научного централизма?

Мы увидели, что позиция Прибоя начиналась с указания на несоответствие содержания Манифеста формальным критериям исследования, предполагающим обзор исторических источников. Совершенно игнорируя специфику манифеста как литературного жанра, Прибой заявляет, что отсутствие обзора источников в Манифесте означает необоснованность позиции ЛС. Так Прибой предлагает читателям ЛС побыть дураками, забыв, что кроме Манифеста у ЛС существует целый ряд работ с анализом истории левых и коммунистического движения.

Формализм, которым Прибой вооружился как аргументом, запирает Прибоя в роли «беспристрастного исследователя». В этой роли Прибой не проводит политическую критику собственных источников. Но выводы он делает в политической теории, оспаривая выводы Манифеста. Так благородная маска

играет с Прибоем злую шутку: начиная с позы вопрошающего учёного, он приходит к оправданию левого национализма. Поспешим успокоить читателей: оправдание национализма весьма прочно подкреплено обзором пары-тройки исторических источников!

Помимо грубых методологических ошибок, Прибой призывает читателей совершать и ошибки философские. Прибой указывает на психологическую и объективную сложность проблем, возникших перед коммунистами в конце XX века. Абсолютизируя «объективный фактор», Прибой приписывает внешним обстоятельствам непреодолимую оправдывающую силу, вульгарно отбрасывая как субъективную сторону дела, так и относительную случайную вариативность объективных условий в каждом отдельном случае. Таким образом, Прибой отрицает всякую ответственность самозванных коммунистов за принятые решения и выбранный путь. Вместе с тем, вульгаризируется и утрачивается суть материалистического детерминизма.

Наконец, Прибой предлагает поставить способность понравиться массам и увлечь их за собой выше марксистской грамотности, выше научной обоснованности решений, выше верности коммунистическим принципам. Коммунистам, следуя этой логике, дозволено перестать быть идейным, теоретическим авангардом, главное — не растерять поддержку. Как показала история, это не левые увлекают массы, «тактически» жертвуя коммунизмом. Это массы увлекают за собой левых, насаждая вместо коммунизма стихийную идеологию, соответствующую текущему положению того или иного класса. У этого явления есть название — хвостизм.

Во второй части нашего разбора мы рассмотрим, как Прибой оправдывает более актуальную сегодня болезнь левых — акционизм.

Продолжение следует...

Нашли ошибку? Выделите фрагмент текста и нажмите Ctrl+Enter.

Примечания

1. Здесь и далее — примечание Е. Б. ↩
2. Виталий Сарматов. [Партия научного централизма или новый «хор псаломщиков»? ↩](#)
3. [Теоретический минимум: введение. ↩](#)